

6. WDP – The Wordsworth dictionary of proverbs / G.L. Apperson [et al.], Wordsworth editions Ltd. Hertford-London, 2006.

About the valuation semantics of the concept “wine” in the English and the Russian paremies

There is given the comparative analysis of the paremies of the English and the Russian languages expressing the valuation aspects of the concept “wine”. There are considered the similarities and differences in the interpretations of the given concept in the Russian and English paremic world pictures.

Key words: *concept, paremy, world picture, valuation, the English language, the Russian language.*

Е.В. АЛИКИНА
(Пермь)

**ПРОГРАММИРОВАНИЕ
ТЕКСТА УСТНОГО ПЕРЕВОДА
ПОСРЕДСТВОМ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
СЕМАНТОГРАФИИ**

Рассматривается взаимосвязь процессов порождения речи при устном переводе и одной из составляющих профессиональной компетенции – переводческой семантографии, программирующая функция которой описывается на основе психолингвистических теорий. Предлагается система коммуникативной записи. Приводятся рекомендации по организации процесса обучения устному последовательному переводу.

Ключевые слова: *устный последовательный перевод, переводческая семантография, речевая деятельность, внутреннее программирование.*

Специфика переводческой деятельности заключается в том, что она носит рецептивно-репродуктивный характер. Рецепция исходного текста и порождение текста перевода опосредованы наименее изученным этапом, который относится к фазе программирования высказывания.

Одним из способов экстернизации внутренней программы высказывания можно считать переводческую семантографию (далее ПС), под которой мы понимаем а) вид профес-

сиональной фиксации информации, используемый переводчиками в процессе восприятия сколь угодно длительного отрезка речи с целью снятия нагрузки на оперативную память и создания программы порождения текста перевода; б) аналитико-синтетический процесс ментальной обработки и фиксации информации в процессе последовательного перевода [1]. Прежде чем перейти к рассмотрению программирующей функции ПС, определим ряд ключевых моментов, связанных с теорией порождения речи, в частности с фазой внутреннего программирования.

Проблемы порождения речи, а следовательно, высказывания и текста входят в круг проблем, исследуемых целым спектром наук. Широкую известность в теории порождения речи получили работы Л.С. Выготского, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, Т.В. Рябовой, А.А. Смирнова и др. Основополагающей в отечественной психологии речи считается модель порождения речевого высказывания Л.С. Выготского. По Л.С. Выготскому, процесс порождения осуществляется «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [2, с. 375]. Л.С. Выготский выдвинул теорию фазовой структуры речевого акта, впоследствии получившую развитие в работах А.А. Леонтьева [6]. Согласно данной теории, порождение речи состоит из последовательно сменяющихся друг друга этапов или фаз: интенции, внутреннего программирования речевого действия, реализации программы. Остановимся подробнее на интересующем нас этапе программирования.

Программирование предполагает деятельность, связанную с управлением и кодированием информации, а также с созданием последовательности действий с целью решения поставленной задачи. Посмотрим, как преломляется данное определение в речевой деятельности. Необходимо отметить, что термин *программа речевого высказывания* впервые был предложен А.А. Леонтьевым и заменил существовавшие ранее *опосредование мысли во внутреннем слове* (Л.С. Выготский), *замысел* (Н.И. Жинкин, А.Н. Соколов), *внутриречевая схема высказывания* (Т.В. Рябова), *первичная смысловая запись* (А.Р. Лурия).

Внутреннее программирование представляет собой «неосознанное построение некоторой схемы, на основе которой в дальней-

шем порождается речевое высказывание» [6, с. 158]. Можно сказать, что в речевой деятельности внутреннее программирование предполагает выстраивание некоторой кодированной последовательности для решения задачи формулирования мысли. Как отмечают исследователи внутреннего программирования, это связующее звено между рождающейся мыслью интенцией и развертыванием мысли [6], «планирование того, что должно быть выражено в высказывании» [4, с. 19], «основной тезис текста, являющийся предварительным смысловым планом» [3, с. 74–75], «содержательный инвариант будущего текста», поскольку «процесс порождения речи не замыкается в рамках отдельных высказываний, но предполагает программирование (отчасти реализацию) целостного текста и его отдельных содержательных “блоков”» [9, с. 387]. Примечательно, что именно на этой стадии тема впервые отделяется от ремы [7].

Начальным этапом внутреннего программирования являются «замысел» (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, И.А. Зимняя), «общий смысл» (Н.И. Жинкин), которые «как нерасчлененный смыслокомплекс» [3, с. 74] задаются говорящим в единицах «объективного языкового кода» (А.Р. Лурия, Л.С. Цветкова), «кода образов и схем» (Н.И. Жинкин) и не зависят от конкретного национального языка. Формой структурирования замысла и способом удержать его в процессе порождения речи является программа [4]. Это «динамическое образование, создающееся в процессе развертывания замысла в пространственно-временной схеме» и объединяющее в себе ответ на вопросы, «что сказать, в какой последовательности и как сказать» [3, с. 77]. В связи с этим «этап внутреннего программирования является субстратом актуального членения предложения» [6, с. 221]. Как отмечает А.Р. Лурия, тема (воплощающая цельность текста) и рема (обеспечивающая его связность), как обязательные составные части программы, образуют исходную мысль, т.е. систему тех связей, которые потенциально должны фигурировать в будущем речевом высказывании. Далее, в процессе высказывания как тема, так и рема должны будут существенно расширяться, разделившись на целую цепь звеньев и став тем самым сукцессивной последовательностью [7].

Переводческая деятельность, как любой другой вид речевой деятельности, характеризуется единством трех сторон: мотивационной, целевой и исполнительской. Психолингвистическая модель перевода, оперирующая

данными аспектами теории речевой деятельности, условно разбивает процесс перевода на два этапа: преобразование переводчиком понимания содержания оригинала в свою внутреннюю программу, а затем – развертывание программы в тексте перевода. Стяжение и развертывание программы, по мнению А.А. Леонтьева, характерно для всех видов перевода, за исключением синхронного, где наблюдается «разрывность» программы [6, с. 169]. Ряд исследователей высказывают сожаление по поводу того, что объяснительная сила модели ограничивается тем, что мы не знаем, как происходит «свертывание» и «развертывание», какие элементы содержания сохраняются во внутренней программе и как выбирается один из возможных путей реализации программы в тексте перевода. Однако мы склонны предполагать, что именно изучение ПС позволит ответить на эти вопросы.

Существенно, что инвариантом при переводе является именно «внутренняя программа речевого высказывания» как система функционально «нагруженных» смыслами элементов предметно-изобразительного кода или действий над подобными элементами» [6, с. 172]. Более того, «успех перевода как аналитико-синтетической деятельности в значительной степени зависит от адекватности перехода от анализа к синтезу, который как раз совпадает с фазой внутреннего программирования» [4, с. 135].

Таким образом, порождение текста перевода подчинено общим закономерностям порождения речи. Особенность заключается в том, что «в переводе замысел задан другим человеком» [8, с. 39], что, однако, не исключает наличие у переводчика собственной программы. Замысел и программа, как отмечают И.А. Зимняя и В.И. Ермолович, определяются разной степенью полноты и глубины в зависимости от вида перевода [8, с. 37]. Последовательный перевод в сравнении с синхронным характеризуется большей степенью развернутости программы, что еще раз подчеркивает необходимость в целенаправленном обучении программированию высказывания в процессе подготовки последовательных переводчиков. ПС может явиться экстернизированным средством программирования высказывания.

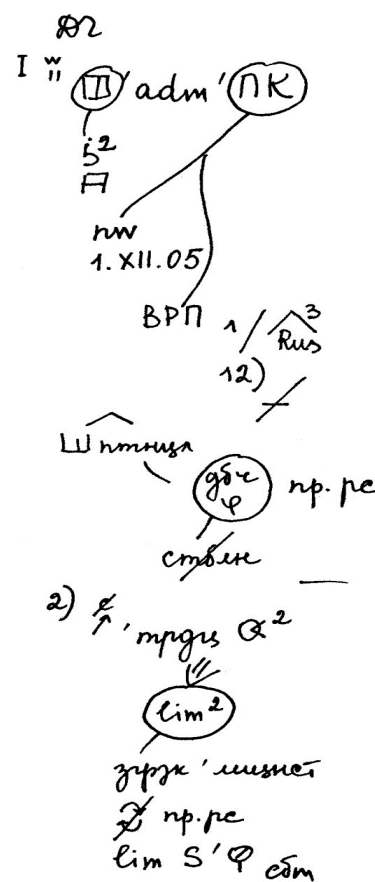
Впервые сходства записи переводчика и внутренней программы были выделены в психолингвистическом исследовании Н.А. Краевской [4], посвященном семантическому компоненту программы речевого высказывания. Было установлено, что переводческая запись соответствует этапу речевой деятельности,

непосредственно предшествующему этапу семантической и грамматической реализации, что подтвердило гипотезу о том, что «система записи отражает не столько то, что воспринято переводчиком, сколько то, что он намерен сказать» [4, с. 76]. Графическая репрезентация записи при этом соответствует основным характеристикам внутренней речи: опоре на смысл, универсальности языка записи, предикативности, свернутости, грамматической аморфности и др. «Символы, используемые переводчиками, обладают всеми этими чертами, и в то же время нет сомнений, что именно они используются в качестве смысловых опорных пунктов при порождении речи на языке перевода» [4, с. 92].

Интересным представляется вывод Н.А. Краевской о том, что употребление символов заранее направлено на последующее порождение, т. к. в ходе восприятия текста уже имеется установка на воспроизведение, заставляющая переводчика располагать запись в соответствующем порядке (Там же, с. 75). Установка записывать так, чтобы воспроизвести наиболее полно и адекватно, чрезвычайно важна в практике обучения устному переводу. В связи с этим необходимо в большей мере ориентировать обучающихся не на запись воспринятого, а на опережение собственной речевой реализации, т.е. запись порождаемого. С этой целью в систему упражнений можно включить задания на «ретроспективную» фиксацию текста перевода и ее сопоставление с вариантом записи исходного текста.

Представление ПС как аналога внутренней программы порождения высказывания позволяет нам расставить необходимые акценты в разработке собственной системы ПС. Поскольку внутренняя программа несет в себе содержательный инвариант будущего высказывания, очевидно, что инвариант должен быть зафиксирован и при ведении ПС. Тематическая организация программы еще раз подтверждает целесообразность записи темы и ремы как коммуникативных компонентов текста, а также направленность на предикативный характер записи. Все вышесказанное позволяет нам подойти к описанию предлагаемой системы записи, которая может быть обозначена тремя этапами: информация, относящаяся к теме, обводится в круг; информации, относящиеся к ремам, соединяются стрелками-лучами с темой и записываются ниже, что позволяет сохранить вертикализм; по мере того как одна из рем становится темой, она обводится, и стрелки-лучи идут от нее. Приведем пример записи переводческой семантограммы по данной системе.

Переводческая семантограмма

Как показывает переводческая и педагогическая практика, «коммуникативная система» ПС позволяет не только зафиксировать инвариант исходного текста, содержащийся в теме и реме, что отражается на качестве перевода, но и рационализировать сам процесс записи. Во-первых, переводчику не приходится осуществлять распределение поступающей информации по трем-четырем составляющим, поскольку необходимо оценивание сообщения только по двум категориям: старое – новое. Во-вторых, за счет стрелок переводчик освобождается от повторной записи одних и тех же элементов при возврате к теме через несколько высказываний. Данная система позволяет отразить не только то, что было воспринято переводчиком, но и то, что он намерен высказать на языке перевода. При этом вариантов речевого оформления перевода по одной и той же семантограмме может быть множество, что свидетельствует о мультилингвальности и элитарности переводческой личности [5].

Таким образом, владение ПС требует от переводчика когнитивной гибкости, креатив-

ности, разнообразия в мыслительных операциях, легкости кодовых переключений, особым образом организованного языкового сознания, формирование которого следует рассматривать как цель профессиональной подготовки будущих переводчиков, обучение ПС как инструмент для ее достижения, а саму запись – как материал для изучения скрытых механизмов речемыслительной деятельности.

Литература

1. Аликина Е.В. Таксономический аспект устного последовательного перевода // Вестн. Удм. ун-та. 2011. Вып. 2. С. 59–66.
2. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития детей. М. : Изд. АПН РСФСР, 1956.
3. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке : пособие для учителей ср. школы. М. : Просвещение, 1978.
4. Краевская Н.А. Семантический компонент внутренней программы речевого высказывания : дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
5. Кушнина Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 6 (12). С. 71–75.
6. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : Наука, 1969.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание. М. : Изд-во МГУ, 1998.
8. Психология перевода : учеб. пособие / сост. И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая рос. энцикл., 1998.

Oral interpretation text programming by means of translation semantography

There is considered the correlation of the processes of speech production in oral interpretation and one of the components of the professional competence – translation semantography; its programming function is described on the basis of psycholinguistic theories. There is suggested the system of communicative record. There are given the recommendations in organization of the process of oral consecutive interpretation teaching.

Key words: *oral consecutive interpretation, translation semantography, speech work, inner programming.*

Д.В. СПИРИДОНОВ
(Екатеринбург)

ПРАГМАТИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ И ПОНЯТИЕ «ПАКТ ЧТЕНИЯ»*

Анализируется эвристический потенциал понятия «пакт чтения» (pacte de lecture) в связи с задачей изучения прагматики повествовательных текстов. Предлагается рассматривать «пакт чтения» как имплицитное соглашение между автором и читателем, описываемое как взаимодействие нарративного и рецептивного кодов.

Ключевые слова: *пакт чтения, нарратив, прагматика повествования, рецепция.*

Одна из фундаментальных проблем нарратологии заключается в определении семантического статуса повествовательных инстанций (в частности нарратора и адресата литературного повествования, такого адресата также иногда именуют *эксплицитным читателем*, в терминологии Р. Барта – *narrataire*) и, следовательно, всего нарративного означаемого. Попытки решить эту проблему путем апелляции к традиции логической семантики оказываются неудачными в силу фундаментальной неадекватности теоретических положений последней специфике литературной коммуникации, для которой категории «достоверности»/«недостоверности», востребованные логикой, ориентирующейся прежде всего на язык науки, в сущности, иррелевантны. В методологическом отношении более перспективной представляется попытка редуцировать семантический анализ к изучению прагматики повествования, понимаемого в этом случае как особый коммуникативный акт. Эта перспектива применительно к литературному тексту была намечена Дж. Сёрлем в его знаменитой статье «Логический статус художественного дискурса» [5]. Сёрл относится к основателям теории речевых актов, по сути, именно он сформулировал основные ее положения, обобщающие опыт предшественников (прежде всего Дж. Остина), а также вписывающие эту новую дисциплину в теоретический контекст семантики и прагматики. Его по-

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» при поддержке Министерства образования и науки РФ (грант № НК643Р-50).